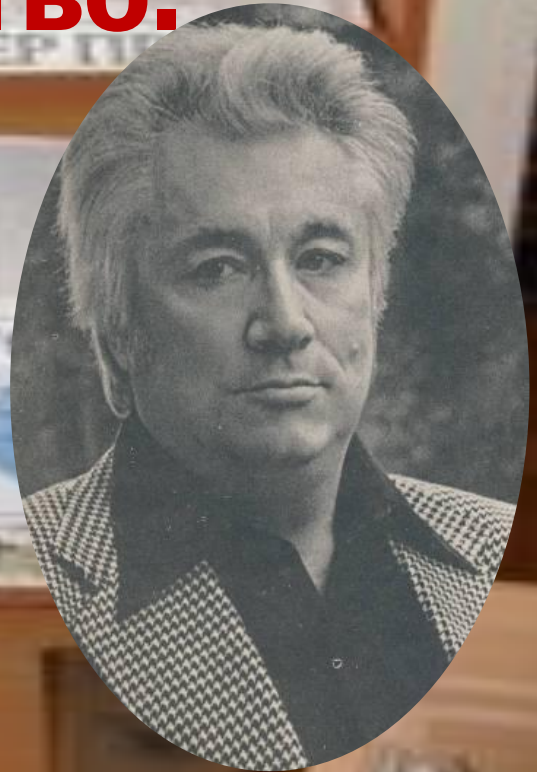

**ПРИЗНАНИЙ МАСТЕР
РАБОТА**
к. 90 - летия Ю. Нагибин

**Ю.М.Нагибин
Жизнь. Творчество.**

ТОНКИЙ СТИЛИСТ И МАСТЕР ПЕ
ПЕРЕУЛКИ МОЕГО ДЕ

Нагибин Юрий Маркович

Русский писатель,
автор многочисленных
сценариев.

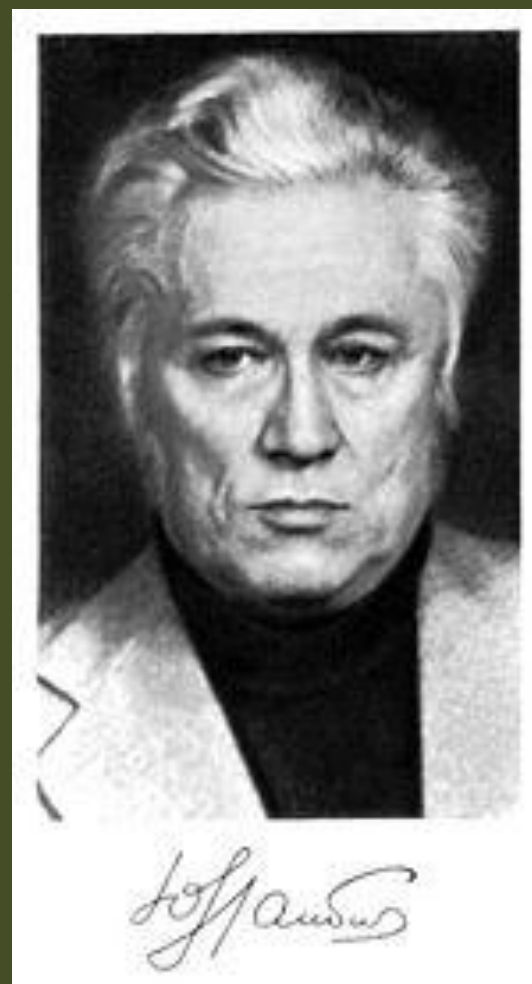
Учился на сценарном
факультете ВГИКа
(1939—1941).

Писатель, литературовед,
знаток кино,
живописи и музыки,
автор многих монографий о
деятелях искусства.

Родился 3 апреля 1920 в Москве. Еще накануне его появления на свет отец, Кирилл Александрович, был расстрелян как участник белогвардейского восстания в Курской губернии.

В 1938 Нагибин окончил школу с отличием и поступил в Московский медицинский институт. Интересы к врачебному делу у него не возникает, и он переходит учиться на сценарный факультет ВГИКа. Окончить институт не удалось. В начале войны институт эвакуировали в Алма-Ату, а Нагибин был призван в армию и осенью 1941 отправлен на Волховский фронт в отдел политуправления. Незадолго до войны успел опубликовать в журнале свои первые рассказы *Двойная ошибка* («Огонек», 1940, №11) и *Кнут* («Московский альманах», 1941, №2).

Литературную деятельность начал в 1939, еще будучи студентом.
В 1941, не закончив институт, ушел на фронт. Участник Великой
Отечественной войны.

После ранения работал военным корреспондентом в газете «Труд».
В 1943 выпустил сборник прозаических произведений «Человек с
фронта».

Юрий Нагибин ушел на фронт с началом войны. Знание немецкого языка решило его судьбу — он был направлен в VII отдел ПУ (контрпропаганда) Волховского фронта, где пришлось не только выполнять свои прямые обязанности, но и воевать с оружием в руках, и выходить из окружения. Все впечатления и наблюдения фронтовой жизни позже вошли в его военные рассказы.

Как корреспондент побывал в Сталинграде, под Ленинградом, при освобождении Минска, Вильнюса, Каунаса. Первый военный сборник «Человек с фронта», затем были опубликованы рассказы «Трубка», «Зимний дуб». Вышли сборники «Большое сердца» и «Две силы», сделавшие имя писателя известным.

- Опубликовал сборники:
«Перед праздником» (1960),
«Далекое и близкое» (1965),
«Переулки моего детства» (1971), «Остров
любви» (1977),
«Река Гераклита» (1984);
повести «Поездка на острова» (1986),
«Встань и иди» (1987) и другие.
Рассказы: «Калязинский бессребряник и
его музей» и «Колокольля»

Один из самых экранизируемых писателей. В кино — с 1956 года, первый сценарий — «Гость с Кубани». Последняя работа — видеофильм о Сергее Рахманинове (1994).

В 1984 году в издательстве «Современник» вышел новый сборник произведений писателя «Река Гераклита». Название сборника выразило главную тему : *«Река Гераклита» - река жизни и времени, в которую « никому не дано войти дважды».*

Эта тема стала для Юрия Нагибина символом вечного обновления и неразрывности исторической и культурной связи поколений.

Работал до конца дней своих. После его смерти вышла автобиографическая проза писателя - "Тьма в конце туннеля". Умер 17.04. 1994 в Москве.

*По какой бы дороге ты ни шел,
не найдешь границ души,
настолько глубока ее основа.
Гераклит*

История рассказа «Терпение»

В 1980 году Юрий Нагибин совершил поездку по интереснейшему маршруту: Ленинград — Шлиссельбург — Валаам — Петрозаводск — Кижы — Кондопога — Марциальные воды — Архангельск — Новые Карелы — Соловки. Не будь этой поездки — не родился бы один из его сильнейших рассказов — «Терпение».

Написанный в 1982 году, он затронул военную тему и в то же время показал совершенно иного Нагибина, современника тех лет (80-х годов),

Скворцовы давно собирались на остров Богояр; пути туда из Ленинграда комфортабельным трехпалубным туристским теплоходом вечер и ночь. На осмотр острова со всеми его пейзажными красотами и скромными достопримечательностями уходит от силы полдня, потом отдых, всевозможные развлечения, глубокий сон, как в детской колыбели, под легкую качку озерной волны, и ты— дома. Даже странно, что, живя всю жизнь в Ленинграде, они не удосужились раньше предпринять столь приятное маленькое путешествие.

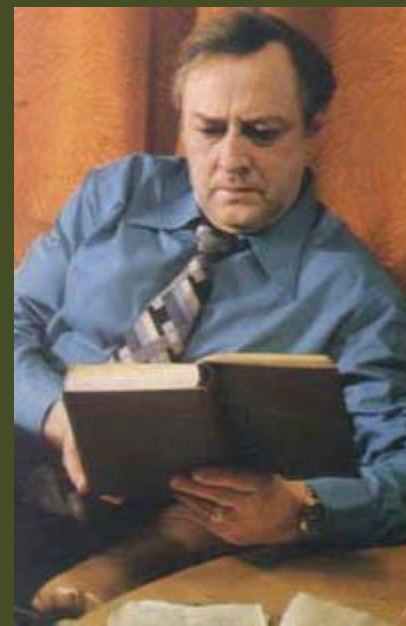

Это история семьи, на первый взгляд, счастливой, живущей делами и заботами — мать, учёный, микробиолог, отец — «весьма убедительно изображающий директора института по использованию атомной энергии». «Изображающий» — уже в этом слове авторская характеристика, заставляющая читателя насторожиться. И дети, Павел и Таня, самые обыкновенные «хищники»: модные, вполне современные, считающие, что с «предками» им повезло, ибо каждое покушение на их время «щедро оплачивалось деньгами и подарками», незамедлительным исполнением самых сложных просьб и т. п.

Скворцов отлично знал, что жена Анна, несмотря на 30 лет совместной жизни, не любит его, а живёт прошлым, которое не подвластно времени. Анна, любившая Павла, его друга, отдавшая ему своё сердце безраздельно, стала Скворцову женой, матерью его детей, но разбудить её он так и не смог... Скворцов был другом Павла с раннего детства, они десять лет просидели за одной партой, поступили в один институт, полюбили одну девушку. Скворцов полюбил раньше, но ему на роду было написано во всем уступать Пашке. Со стороны это казалось естественным: Скворцов был интересным молодым человеком, а Пашка — явлением, праздником, божьим подарком.

**«Время отдыха с субботы
до понедельника»**

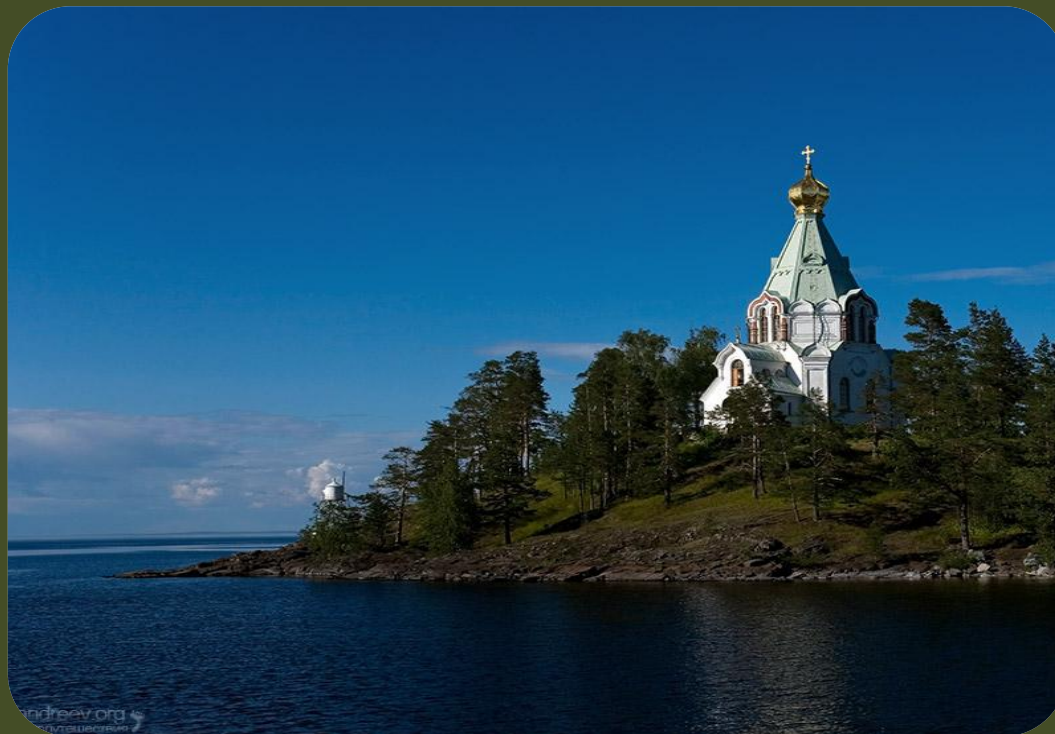
22 июня она прощалась с Пашей в Сердоликовой бухте в Коктебеле, таинственная Сердоликовая бухта — всё это вошло в Анну навсегда. Это была любовь... любовь двух прекрасных людей, и по-человечески понятные переживания и ревность третьего, которого мы поначалу не видим, не чувствуем того предательского, эгоистично захлестнувшего, перекроившего всё по-своему, смешавшего всё, заложившего начало той трагедии, которая произойдёт в годы войны, искалечит жизнь Павла, приведёт к гибели Анну.

Их оставили вдвоем в покинутом немецком дзоте на развилке дорог. Приказ был: продержаться до подхода наших. Они и держались, хорошо держались... А потом настала тишина, о них словно забыли: и свои и чужие... Деятельная натура Пашки не выдержала. Он пошел искать наших, Скворцов остался. Видимо, Пашка нарвался на тех немцев, которые после забросали дзот гранатами и взяли в плен контуженого Скворцова. «Зря он не остался»,— только и сказала Анна. «Он хотел, как лучше,— мягко произнес Скворцов.— А может, просто не хватило терпения».— «Странно! Мне казалось, это его главное качество».— «Ты не была с ним на войне».— «Но я была с ним в Сердоликовой бухте».

О калеке нельзя было сказать, что он «стоял» или «сидел», он именно торчал пеньком, а по бокам его обрубленного широкогрудого тела, подшитого по низу толстой темной кожей, стояли самодельные деревянные толкачи, похожие на старые угольные утюги. Его сосед, такой же обрубок, но постарше и не столь крепко скроенный, пристроился на тележке с колесиками. Ему не по силам было отмахивать бросками тела почти семь километров от монастыря до пристани и столько же обратно.

Чем дольше смотрела она на калеку, тем отчетливей становилось его сходство с Пашей. Конечно, они были разные; юноша и почти старик. Нет, стариком его не назовешь, не шло это слово к его литому, смуглому, гладкому, жестко-красивому лицу, к стальным, неморгающим глазам. Ему не дашь и пятидесяти. Но тогда он не участник Отечественной войны. Возможно, здесь находятся и люди, пострадавшие и в мирной жизни? Нет, он фронтовик. У него военная выправка, пуговицы на его рубашке спороты с гимнастерки, в морщинах возле глаз и на шее, куда не проник загар, кожа уже не кажется молодой, конечно, ему за пятьдесят. И вдруг его сходство с Пашей будто истаяло. Если б Паша остался в живых, он старел бы иначе. Его открытое, мужественное лицо наверняка смягчилось бы с годами, ведь по-настоящему добрые люди с возрастом становятся все добрее, их юная неосознанная снисходительность к окружающим превращается в сознательное всеохватное чувство приятия жизни.

— Паша!..— закричала Анна, кинулась к нему и рухнула на землю.— Паша!.. Паша!.. Паша!..

Она поползла, обдирая колени о влажно-крупитчатый песок, продолжая выкрикивать его имя, чего сама не слышала. Она не могла стать на ноги, не пыталась этого сделать и не удивлялась, не пугалась того, что обезножела. Если Паша лишился ног, то и у нее их не должно быть. Вся сила ушла из рук и плеч, она едва продвигалась вперед, голова тряслась, сбрасывая со щек слезы.

Калека не шелохнулся, он глядел холодно, спокойно и отстраненно, словно все это ничуть его не касалось.

Эх, капитан, отдал ты взрыву
ноги.

В синявинских болотах обе две.
На острове святом ты не убогий -
Отшельчик ты.
Не свой в своей стране.

Павел попал на остров не сразу, не из госпиталя, а пройдя долгий и страшный путь калеки-отщепенца. И, спасаясь от полной деградации, утраты личности, приполз сюда. Он ни на что не надеялся и не хотел никакого чуда, но одно затаенное желание у него все же было: ленинградцы рано или поздно совершают паломничество на Богояр, это так же неизбежно, как посещение Шлиссельбурга или Кижей, и ему хотелось увидеть, какой стала Аня. Он был уверен, что она не узнает его, просто не заметит, а он из укромья своей неузнанности спокойно разглядит ее.

Поплыла к берегу, к Паше. Теплоход отдалялся медленно, он был грозно огромен, на берег же, как учил Паша, смотреть не надо — он не приближается. Руки и ноги были как чужие, плохо слушались, озеро совсем не прогревалось солнцем. Да ведь тут близко!.. Холод проник внутрь, стиснул сердце. Она хлебнула воды и хотела позвать на помощь, но остатками сознания поняла, что этого делать нельзя, потому что тогда ее не пустят к Паше. Она не знала, что на теплоходе прозвучал сигнал «Человек за бортом» и уже спускали шлюпку, куда прыгнули вслед за матросами капитан и судовой врач. Она не почувствует, как ее выхватят из воды, как хлынет изо рта вода, когда сильные руки врача начнут делать искусственное дыхание.

В положенный час он был на пристани, на обычном месте, у валуна.
Прямой, застывший, с неподвижным лицом и серо-стальными глазами,
устремленными в далекую пустоту. Он ждал.
Ждет до сих пор.

*Настоящее и прошедшее,
Вероятно, наступят в
будущем,
Как будущее наступало в
прошедшем.
Если время всегда настоящее.
Значит, время не отпускает.*

Гераклит